

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

Т. В. Анисимова, И. А. Самуйлова

КОММУНИКАЦИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье обсуждаются основные направления исследований российской политической коммуникации. Отечественные достижения в этой области анализируются в сравнении с работами зарубежных авторов. Отдельное внимание уделяется исследованиям, характерным для Санкт-Петербургской школы политической психологии. Освещаются проблемы определения и описания особенностей политической коммуникации как вида деловой коммуникации, восприятия аудиторией публичных политических выступлений, достоверного анализа языкового поведения «политиков-риторов», медиакомпетентности. Эти вопросы представляют особый интерес в связи с актуализацией проблемы повышения культуры политической речи в России и глобализацией информационной среды. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политическая психология, восприятие публичных выступлений, языковое поведение, критический дискурс-анализ, медиакомпетентность, дистантные методы анализа политических текстов, Санкт-Петербургская школа политической психологии.

Anisimova T. V., Samuilova I. A.

COMMUNICATION AS A SCIENTIFIC DIRECTION IN POLITICAL PSYCHOLOGY

The paper discusses the main directions of the researches of Russian political communication: Russian achievements in this area are reviewed in the context of a comparison with the works of foreign authors. Special attention is paid to the description of the research areas which are the typical for St. Petersburg school of political psychology: problems in the definition and description of the characteristics of political communication as a form of business communication, perception of the public political speeches by the audience, reliable analysis of linguistic behavior of political speakers, media competence. The content of the article is of particular interest in connection with the actualization of the problem of improving the culture of political speech in Russia and globalization of the information environment. Refs 19.

Keywords: political communication, political psychology, perception of public speeches, linguistic behavior, critical discourse analysis, media competence, distant methods of political texts analysis, Saint-Petersburg school of political psychology.

Анисимова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; t.anisimova@spbu.ru

Самуйлова Ирина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; samiral@mail.ru

Anisimova T. V. — Ph.D., Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; t.anisimova@spbu.ru

Samuilova I. A. — Ph.D., Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; samiral@mail.ru

Сегодня в центре всех исследований в сфере политической психологии находится коммуникация. Действительно, демократизация общества связана с возможностью каждого гражданина принимать решения на основе переработки и осмысления политической информации.

Значимость политической коммуникации для жизни общества была осознана зарубежными исследователями в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Это время считается началом изучения явлений политической коммуникации во многих странах, поскольку именно тогда появились фундаментальные работы в этой области, да и сам термин «политическая коммуникация».

Иная ситуация складывалась в отечественной науке. Долгое время, практически до начала 90-х годов, популярность термина «политическая коммуникация» не отражала ни теоретической разработанности, ни эмпирической представленности проблем политической коммуникации в отечественной литературе. Монополией на изучение любых речевых коммуникаций владели лингвисты.

В отечественной психологии с исследованием речевой коммуникации и текстов связаны имена таких известных авторов, как Н. И. Жинкин (анализ внутреннего строения текста), И. Ф. Неволин (выделение смысловых зон текста), Т. М. Дридзе (информативность и логико-композиционные показатели) и др. Среди исследователей, прямо или косвенно занимающихся исследованиями политической коммуникации, можно назвать представителей психосемантического и психолингвистического направлений: А. Н. Баранова, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелева, Т. Н. Ушакову, Н. С. Павлову, В. А. Цепцова, К. И. Алексеева и некоторых других [1].

Среди психологов СПбГУ проявили интерес именно к изучению политической коммуникации сотрудники и выпускники кафедры политической психологии: Т. В. Анисимова, П. А. Бычков, С. Н. Вещеникин, М. В. Губина, О. С. Дейнека, А. Г. Конфисахор, Д. Ф. Мезенцев, Л. Ю. Никифорова, Н. Я. Олесич, И. А. Самуйлова, Н. О. Свешникова, Н. В. Щербакова.

Трудно поверить, но в начале 80-х годов XX в. отечественные научные исследования, а соответственно и публикации по политической коммуникации не были распространенными. Сегодня, напротив, такие исследования многочисленны, а в области политической психологии — традиционны.

Рассмотрим последовательно основные темы политической коммуникации, которые сохраняют актуальность как предмет научного рассмотрения.

1. Обсуждение проблем определения и описания особенностей политической коммуникации как вида деловой коммуникации полностью не завершено. Исследователи договорились ограничиться пониманием политической коммуникации в «широком» и «узком» смыслах. Сегодня большинство исследователей согласны с Р. Ж. Шварценбергом (1992), который предложил одно из наиболее полных толкований сущности политической коммуникации, определив ее как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической и социальной системой» (цит. по: [2, с. 15]).

«В значительной своей части политическая коммуникация составляет сферу компетенции специализированных учреждений и институтов, таких как средства массовой коммуникации, правительственные информационные агентства или политические партии. Тем не менее она обнаруживается во всякой обстановке

социального общения, от бесед с глазу на глаз до обсуждения в палатах национального законодательного органа» [3, р. 12].

В демократическом обществе «политическая коммуникация является ключевым элементом при формировании общества, где люди и государство чувствуют свою взаимосвязь. Следовательно, политическая коммуникация должна стимулировать. Она должна не ограничиваться рядом указов народу от правящей элиты, а провоцировать ответную реакцию с его стороны и поощрять его участие» [4, с. 10].

Смысловые детерминанты политической коммуникации заключаются в передаче политического опыта, координации усилий людей, их политической социализации и адаптации, структурировании политической жизни [2, с. 16].

2. Следующее направление исследований начала 90-х годов XX в. связано с восприятием аудиторией публичных политических выступлений. 1990-е годы — время, когда старая политическая культура уже разрушилась, а новая еще не сформировалась. Неудивительно, что следствием этого стали политическое бескультурье и соответствующий язык, который по своей лексике не отвечал требованиям, обычно предъявляющимся к речам «серьезных государственных мужей».

Невысокий уровень языковой культуры так называемого «среднего» политика объясняется отсутствием специальной подготовки, недостаточно развитыми процессами самоконтроля и осознанием того, что на практике мера «загрязненности языка» мало сказывается на степени воздействия на аудиторию.

Мы вынуждены признать, что до недавнего времени успех нередко приносило использование в выступлениях элементов популизма, таких как безответственные обещания, нагнетание презрения к оппонентам. И, как во времена античности, именно речами прокладывалась дорога к пьедесталу признания. Общеизвестно, что популизм приходит тогда, когда налицо дефицит лидеров и политическая неискренность людей. Как только политика становится средством осуществления замыслов по благоустройству жизни людей, в публичных речах возрастает значение здравого смысла и достоверности, обоснованности излагаемых положений [5]. Как следствие, особенно актуальным становится вопрос о формировании новой культуры речи, адекватной протекающим в обществе процессам.

Проблема повышения культуры политической речи в России действительно привлекла внимание общественности (издаются специальные словари для публичных политиков) и государства (делаются попытки решения проблемы законодательным путем). Такие усилия привели к тому, что сегодня в публичной политике начались позитивные сдвиги: официальная публичная речь стала более правильной. Не последнюю роль сыграл здесь и фактор политической реальности, а именно повышение важности политического языка в век информационных технологий и, как следствие, необходимость овладения той властью, которую политический язык способен предоставить его опытному пользователю. Необходимость совершенствования речевой коммуникации диктуется также глобализацией информационных процессов: особую роль играет здесь способность налаживать эффективное сотрудничество и конструктивный диалог на всех уровнях.

3. Следующая волна исследований речевых коммуникаций привлекла внимание к анализу языкового поведения «политиков-риторов», психологическому «критическому дискурс-анализу». Критический дискурс-анализ (КДА) — новое направление исследования речевой коммуникации. В 1994 г. ученые, занимающиеся

критическими исследованиями, объединились в международную сеть *CRITICS: Centers for Research Into Texts, Information and Communication in Society* (Центры изучения текстов, информации и коммуникации в обществе). В настоящее время критические исследования активно проводятся в Великобритании группой ученых Ланкастерского университета «Язык, идеология и власть» под руководством Нормана Фэйклоуза (*N. Fairclough*), в Австрии — исследовательским центром «Дискурс. Политика. Идентичность» под руководством профессора Венского университета Рут Водак (*R. Wodak*), в Голландии — в Амстердамском университете группой студентов и аспирантов под руководством Т. ван Дейка (*T. van Dijk*). На последнем конгрессе Международного сообщества политических психологов, прошедшем в Риме в 2014 г., данная проблематика обсуждалась особенно активно. Настоящий бум критических исследований политического дискурса наблюдается в Испании и Латинской Америке. Это направление теперь представлено и в России в целом, и в СПбГУ.

КДА обращается к социальным проблемам, исходя из того, что дискурс формирует общество и культуру и выполняет идеологическую функцию. Действия контролируются нашим разумом, поэтому если мы можем влиять на разум, на знания людей с помощью дискурса, то мы способны косвенно контролировать некоторые их действия. Таким образом, в рамках КДА контроль над дискурсом рассматривается как форма социальной власти [6].

В психологическом аспекте развитие обозначенного направления обусловлено усилением тенденции к субъективной интерпретации политической реальности в выгодном для политика свете. Сегодня любой политик, имея доступ к средствам массовой коммуникации, может осуществлять воздействие на аудиторию посредством языка, сообщая информацию и интерпретируя текущие события с целью распространения своей точки зрения, наращивания политической мощи и извлечения определенных политических дивидендов.

4. Можно говорить и о следующем этапе исследований, связанном с изучением медиатизированной политики. Это понятие указывает на положение средств массовой информации (СМИ) между властью и обществом, когда СМИ действуют не просто как канал, по которому продвигается политика, а как активный участник процесса формирования политики.

В США первые политические рекламные ролики на телевидении появились в 1952 г. во время предвыборной президентской борьбы между А. Стивенсоном и Д. Эйзенхауэром. Телевизионные дебаты между Дж. Кеннеди и Р. Никсоном стали хрестоматийным примером «сильного» влияния телевидения на результаты политических выборов. С тех пор список факторов «сильного» влияния СМИ на процесс принятия политических решений только расширяется. Исследования в области политической психологии еще раз показали: хотя само телевидение меняется, становясь всё более «развлекательным», использование его в политике продолжается. Эта тенденция диктует необходимость освоения новых способов и форм передачи политической информации.

Для психологического изучения особенностей взаимодействия человека и медиа наиболее подходящим, на наш взгляд, является понятие «медиакомпетентность». Только этот термин раскрывается учеными через описание способностей, необходимых человеку для взаимодействия со СМИ, а не только через понятия знаний,

умений и навыков. Вот почему сегодня мы развиваем новое направление и формулируем собственное понимание медиакомпетентности личности.

Медиакомпетентность определяется нами как совокупность знаний, навыков и способностей, необходимых для взаимодействия с медиасредой, образующих обобщенную структуру. В нее входят: 1) аффективный компонент, включающий в себя особенности восприятия медиа, степень эмоциональной вовлеченности при взаимодействии с медиа и мотивы контактов со СМИ; 2) когнитивный компонент, включающий в себя способность анализировать, интерпретировать и оценивать предлагаемую в СМИ информацию, а также знания об особенностях работы СМИ; 3) операциональный компонент, заключающийся в умении искать, выбирать, обсуждать и применять необходимую информацию, а также в частоте контактов со СМИ. Показано, что «когнитивный» компонент является ведущим, наименьшее же значение имеет «операциональный» компонент. В исследованиях выявлена взаимосвязь между уровнем медиакомпетентности избирателей и уровнем их политического участия: чем выше уровень медиакомпетентности, тем выше уровень политического участия избирателей. Следует отметить, что развитие информационных технологий требует от человека новых способностей и навыков, необходимых для работы с ними. В связи с этим в настоящее время велика потребность в дальнейшем изучении феномена медиакомпетентности. Наиболее актуальными, по нашему мнению, будут исследования особенностей формирования медиакомпетентности и ее взаимосвязи с особенностями познавательных процессов [7].

5. После периода изучения языкового поведения политиков-риторов под научный прицел исследователей речевой коммуникации попали психологические особенности политических лидеров, которые позволяют понять проводимую ими политику.

Практическое отсутствие доступа к объекту исследования компенсируется разработками дистантных методов, которые отчасти представлены различными вариантами анализа вербальной деятельности политика — устных (спонтанных) выступлений и письменных (заранее подготовленных) текстов. Слова политика признаются приемлемым материалом для изучения его личности. С психологической точки зрения довольно много могут рассказать о говорящем политике методы мотивационного, контент- и интен-анализа, «трансформационная грамматика», анализ когнитивной сложности и когнитивных стилей, операционального кода и концептуальной сложности.

Несмотря на то что выполненные дистантные исследования психологических характеристик политика в большей степени опираются на опыт зарубежных коллег (*D. Graver*, 1976; *W. Weintraub*, 1989; *D. Winter*, 1988, 1991, 1992, 1993; *M. Hermann*, 1983, 1991; *H. Alker*, 1991; *L. Sigelman*, 1991; *S. Walker*, 1995 и мн. др.), собственные эмпирические данные, полученные на материале речей ведущих политиков России, дают основания для научного обобщения. Так, использование метода интен-анализа, который был разработан в Центре психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН (1995, 1998, 2000), позволяет выстраивать интенциональный профиль политика на основании анализа его выступлений и, таким образом, выносить суждения о его направленности, о том, как он относится к себе, к своим противникам, к аудитории, к ситуации, выявлять его истинные намерения в казалось бы завуалированных обращениях [8–9].

Намерения не только выражаются, но еще и воспринимаются. Представления аудитории о намерениях, зашифрованных в речах ведущих российских политиков, являются отражением протекающих в обществе процессов. Наши исследования (с 2001 г. по настоящее время) показывают, что, во-первых, респонденты практически одинаково оценивают специфику намерений, присущих политикам с разными убеждениями, и, во-вторых, отношение к политику существенно не сказывается на оценке его намерений. Таким образом, независимо от политических пристрастий аудитория непроизвольно чувствует то, что хочет сказать политик на самом деле, что он имеет в виду. Представление о намерениях политика, которые проявляются в его речи, может быть ярким и отчетливым либо размытым, не столь очевидным. При этом эмпирически зафиксирована еще одна тенденция последних лет — незнание большинством респондентов позиции некоторых политиков федерального масштаба, неполное представление об их намерениях, отсутствие в памяти аудитории информации о политических убеждениях тех, кто влияет на вопросы внутренней и внешней политики [10].

Мотивационный профиль политического деятеля (который строится на основе метода мотивационного анализа политических текстов, разработанного Д. Винтером) показывает общие тенденции его поведения: подбор советников, характер отношений на международной арене, настойчивость в достижении поставленных целей, вероятность возникновения конфликтных ситуаций, границы сотрудничества — и позволяет сделать вероятностный прогноз его политического поведения.

Некоторые параметры операционального кода могут рассказать о том, как политик склонен рассматривать мир — как дружественный или враждебный, как гармоничный или конфликтный, — а также какие средства он склонен использовать для достижения конкретных политических целей [11]. Когнитивная сложность указывает на масштаб сознания политика, узость/широту его суждений, что существенно сказывается на возникновении или урегулировании конфликта. Считается, что падение когнитивной сложности в высказываниях политического руководства может служить серьезным индикатором вероятного возникновения конфликта и поводом задуматься о возможных способах его недопущения.

При изучении проявления психических особенностей политического ратора в его речи возникают некоторые специфические проблемы. Речь идет и о спорности предположения о проявлении психологических характеристик политика в его речи в связи с высокой вероятностью написания политических текстов специалистами (что М. Херманн обозначила как «эффект призрачного письма») или же обязанностью представлять не личную, а официальную позицию (партии или государства), и о сложностях формулирования прогноза поведения политика на основании анализа его вербальной продукции [12–13].

Анализ психолого-политических исследований, направленных на изучение личности говорящего по его речи, позволяет утверждать, что нейтрального вербального поведения нет. Как и всякое социальное действие, речь выражает сложившиеся на личностном уровне мировосприятие и понимание личностью собственной роли в социуме [14]. Даже в условиях строго рациональной политической дискуссии личность, ее эмоциональные и мотивационные особенности занимают важное место в процессах речевой коммуникации [15].

6. Изменение общественных приоритетов в условиях глобализации привело к формированию общества в большей степени потребительского, мобильного,

сложного, культурно фрагментированного — и в меньшей степени обращающего внимание на партии, менее идеологически разрозненного, менее готового подчиняться. Ведутся дискуссии о масштабах, реальных эффектах и пользе такого проявления глобализации информационной среды, как американизация в политической коммуникации. Обращает на себя внимание и усиливающаяся профессионализация политической коммуникации. Начало XXI столетия ознаменовалось также проведением череды реформ в различных областях общественной жизни страны — в экономике и социальной сфере, коммуникативно-информационной, культурной, этнонациональной и экологической политике, политике безопасности и др. Вместе с тем бурное развитие новых коммуникативных технологий повлекло за собой усиление побочных психологических эффектов, проявляющихся при восприятии сообщений. Так, согласно результатам многих исследований, например А. Г. Конфисахора [16, с. 11–13], граждане России оказались скорее дезориентированы глобальными изменениями в мире и проводимыми реформами, чем готовы принимать активное участие в реализации принятых решений. Поэтому особое значение сегодня приобретает исследование характера обратной связи с населением в процессе репрезентации российской политической коммуникации современными средствами массовой информации с целью поиска точек соприкосновения и взаимодействия общественных интересов граждан и публичной политики государства [17].

В целом можно сказать, что за рубежом сложилась более-менее общая традиция оценки психологических характеристик политика по его вербальной продукции (выделены ключевые компоненты изучения личности политика, сформулированы критерии анализа политических текстов), в отечественной науке происходит стандартизация и обобщение полученных результатов.

Опыт исследования политической коммуникации учеными СПбГУ обобщил практикум, в котором представлены основные методы психологического анализа политической коммуникации, на материале текстов и выступлений современных отечественных политических лидеров даны пояснения к их практическому использованию [18]. Теории и эмпирические исследования, посвященные современной отечественной и зарубежной политической психологии и коммуникации, представлены в хрестоматии, подготовленной сотрудниками кафедры политической психологии СПбГУ [19].

Указанные в статье направления исследований речевой коммуникации характерны для Санкт-Петербургской школы политической психологии. Сегодня они существуют, отражая тем самым главные тенденции исследований: а) период расширения тематики сменяется периодом погружения и поиска новых граней традиционных тем; б) анализ проблем психолого-политических речевых коммуникаций возможен только во взаимосвязи системы языка, личности и политики.

В условиях динамичной, нестабильной политической ситуации в России анализ, критическое осмысление проблем речевой коммуникации необходимы как обществу, так и самим политикам. Обществу такой анализ поможет лучше понять существующие политические разногласия, политикам — причины успешности или неудач собственных публичных выступлений.

Литература

1. Анисимова Т. В. Психология политической коммуникации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 60 с.

2. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. 253 с.
3. *The Dictionary of Political Analysis* / ed. by J. C. Plano, R. E. Riggs, H. S. Robin. Santa Barbara, Calif.: ABC-Clio, 1982. xvi+197 p.
4. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. 300 с.
5. *Шепель В. М.* Имиджология: секреты личного обаяния. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1994. 320 с.
6. *Гаврилова М. В.* Лингвистические методы анализа политических текстов // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3 / под ред. Г. П. Артемова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 88–108.
7. *Бакулева К. К., Анисимова Т. В.* Медиакомпетентность избирателей как фактор их политического участия // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. Т. 1 / под ред. А. В. Шаболатас. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 16–23.
8. *Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И.* Интент-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. № 4. С. 98–109.
9. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. С. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.
10. *Самуйлова И. А.* Представленность личности политика в его вербальной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 26 с.
11. *Вещеникин С. Н.* Особенности применения метода операционального кодирования для диагностики убеждений политических лидеров: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 21 с.
12. *Schafer M.* Issues in Assessing Psychological Characteristics at a Distance // *Political psychology*. 2000. Vol. 21, No. 3. P. 511–527.
13. *Walker S. G.* Assessing Psychological Characteristics at a Distance: Symposium Lessons and Future Research Directions // *Political Psychology*. 2000. Vol. 21, No. 3. P. 597–602.
14. *Ушакин С. А.* Речь как политическое действие // *Полис*. 1995. № 5. С. 142–153.
15. *Латынов В. В.* Речевое воздействие в личной дискуссии (по материалам парламентских выступлений) // *Психологический журнал*. 1994. № 1. С. 50–59.
16. *Конфисахор А. Г.* Психология геополитических процессов. СПб.: Первый класс, 2014. 276 с.
17. *Анисимова Т. В., Кузнецова И. В., Самуйлова И. А.* Психологическое моделирование репрезентации российской политической коммуникации в современных СМИ // *В мире научных открытий*. 2011. № 11 (23). С. 48–60.
18. *Анисимова Т. В., Никифорова Л. Ю., Самуйлова И. А., Щербакова Н. В.* Основные методы психологического анализа политических текстов: Практикум по курсу лекций «Психология политической коммуникации». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 124 с.
19. Политическая психология. Хрестоматия / под ред. Т. В. Анисимовой, М. А. Соловьевой. СПб.: Коло, 2012. 296 с.

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2014 г.